

СОЦИОЛОГИЯ

Бедрик Андрей Владимирович

канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник

Институт социологии и регионоведения

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СМИ В ПРОЦЕССАХ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

***Аннотация:** в данной статье рассматривается влияние СМИ на характер и динамику межнациональных отношений в России и процесс адаптации мигрантов. Выявлен существенный конфликтогенный потенциал СМИ в национальном вопросе, связанный с трансляцией образа мигранта-врага или чужака. Проанализировано, что среди установок ксенофобии, эксплуатируемых в российских СМИ, превалирует кавказофобия, что объясняется сложным характером развития в постсоветский период межнациональных отношений в регионе Северного Кавказа и высоким уровнем миграционной мобильности кавказских этносов.*

***Ключевые слова:** СМИ, миграция, адаптация мигрантов, ксенофобия, межэтнические конфликты.*

В условиях перехода общества от индустриального к постиндустриальному этапу возрастает влияние на характер и динамику общественных отношений такого социального института, как средства массовой информации: Интернет, телевидение, радио, пресса. На сегодняшний день СМИ оказывают определяющее воздействие на все стороны социальных взаимодействий, в том числе и на сферу межнациональных отношений. Зачастую СМИ становятся ретрансляторами установок ксенофобии и национализма, провоцируя развитие в обществе латентных и открытых форм межэтнического противостояния. Наиболее часто в СМИ

эксплуатируются такие негативные этнические стереотипы, как «этническая преступность», нелегальная миграция, драки и иные столкновения на почве этнической неприязни, национальные и религиозные формы экстремизма и т.д. Фактически СМИ выступают инструментом социальной стигматизации, формируют в обществе этнофобию и мигрантофобию, блокируя тем самым перспективы для успешного развития межкультурного диалога и интеграции мигрантов в принимающие региональные и локальные социумы. Эта тенденция характерна для всего постсоветского периода истории России и, несмотря на произошедшие в 2000-е гг. позитивные изменения в системе межнациональных отношений, сохраняет свою актуальность и на сегодняшний день.

Всевозрастающая роль СМИ в современном обществе позволяет выделить особый фактор адаптации мигрантов – информационную среду адаптации, которая связана с освещением в СМИ деятельности мигрантов. Постоянная эксплуатация СМИ образа «мигрантов-чужаков», «мигрантов-конкурентов», «мигрантов-угрозы» создаёт для переселенцев риск формирования у местного населения установок мигрантофобии, развития этих установок до уровня этнофобий, что лишает возможности развития конструктивного взаимодействия между принимающим сообществом и этническими мигрантами. Еще с 1990-х гг. героями постоянно появляющейся в прессе и по телевидению информации о росте организованной преступности, наркоторговли, контрабанды, проституции, рэкета, махинаций с жильем и т.д., связанных с миграционным притоком в Россию, и об акциях, проводимых правоохранительными органами против нелегальных мигрантов, становятся исключительно представители кавказских и среднеазиатских народов, а также мигранты из-за пределов бывшего СССР (чаще других китайцы, вьетнамцы, афганцы и др.) [3, с. 160]. О неэффективности СМИ в сфере профилактики межэтнической напряженности свидетельствуют данные социологических исследований Г.С. Денисовой и Л.В. Клименко: около 78% респондентов оценивают деятельность СМИ в этом направлении как малоэффективную или неэффективную [4, с. 85]. В.А. Шнирельман указывает на то, что СМИ действительно создавали искаженный образ мигрантов в общественном сознании,

когда в погоне за читательским спросом формировали представление о них как преимущественно о торговцах, людях с низким образованием, «инородцах», транслировали образ врага в лице приезжих нерусского происхождения [16, с. 283–284].

Одним из наиболее навязываемых СМИ типом этнофобий в России является кавказофобия, в основе которой лежит целый комплекс противоречивых причин: начиная с раздражения от успешности кавказцев в торгово-экономической деятельности до недовольства по поводу их сплочённости и приверженности традиционным национальным ценностям [8, с. 12]. Так по данным исследования 2003 г., проведённого социологическим центром Ю.А. Левады, 58% опрошенных россиян испытывают раздражение, неприязнь или страх по отношению к «выходцам из южных республик», проживающим в их городе, районе. При этом, 66% (против 22%) одобрили бы ограничение переезда «нерусских народностей» на территорию России, а 58% (против 22%) – за то, чтобы запретить пребывание в своём городе или районе «приезжих с Кавказа» [6, с. 333]. Аналогичные опросы 2009 года зафиксировали ту же тенденцию: почти каждый второй опрошенный (41–42%) выражал обеспокоенность присутствием массы «южан», включая «кавказцев» [16, с. 273–274]. Под влиянием СМИ уровень кавказофобии оказался настолько высок, что превзошел все иные виды этнических фобий – антисемитизм, цыганофобию, синофобию и др. Несмотря на это, российская исследовательница З.В. Сикевич характеризует кавказофобию как ситуативную этнофобию, т.е. как кратковременный негативный гетеростереотип социального характера, формирующийся, как правило, в конкретной социальной ситуации межэтнического взаимодействия [13, с. 63]. Хотя, учитывая массовость явления кавказофобии в российском обществе, справедливее говорить об устойчивом этническом предрассудке, который регулярно подпитывается сообщениями СМИ с участием «лиц кавказской национальности», «выходцев с Юга/республик Северного Кавказа» и т.п. Кавказофобия усиливается другой глобальной фобией – исламо-

фобией, проявляющейся в «боязни и ненависти к исламу и мусульманам, присутствием СМИ всех уровней, и распространяемой ими во всех слоях общества» [15, с. 164].

Однако далеко не все российские и зарубежные исследователи рассматривают процесс формирования ксенофобий (в т.ч. этнофобий, мигрантофобий, исламофобий и т.д.) как некое абсолютное зло. Как отмечает В.А. Шнирельман, ещё в 1970-х гг. среди этнологов возобладало представление о том, что ксенофобия имманентно присуща человеку. Такая социобиологическая интерпретация ксенофобии весьма популярна и сегодня среди определённого круга российских интеллектуалов. Однако, по убеждению В.А. Шнирельмана, подобного рода умозаключения не имеют под собой никакой практически подтверждённой научной базы, а являются ничем иным, как попыткой обоснования культурного расизма [17, с. 6]. Другая российская исследовательница О. Карпенко указывает на опасность самой формулировки понятия «этнофобия», так как его использование отсылает к представлениям о естественной для человека склонности мыслить мир в категориях «свой» – «чужой» или «посторонний» и о специфических эмоциональных состояниях (страхи/фобии), которые он испытывает при встрече с чем-то чуждым (будь то одежда, цвет кожи, поведение и т.п.). При этом, по мнению О. Карпенко, без внимания остается тот факт, что граница между «мы» и «они» не является естественной, она социально организована и её воспроизводство может сопровождаться (но вовсе не обязательно сопровождается) формированием образа опасного заграничья, из которого приходят опасные «они» [5, с. 28].

Опыт социологического мониторинга этнической толерантности в СМИ в условиях мегаполиса (г. Москвы), в 1990–2000-х гг. регулярно проводимого исследовательницей В.К. Мальковой, свидетельствует, что абсолютное большинство публикаций показывает этнических мигрантов как людей лишних и очень мешающих коренному населению, как «хитрых, наглых, крикливых и опасных «захватчиков» российского пространства и возмутителей «спокойной» жизни коренного населения [9, с. 111]. При этом среди множества мигрантофобских

идей, рассеянных по материалам СМИ, особенно выделяются следующие: «этнических мигрантов становится всё больше, а коренного населения всё меньше»; «ценности и образ жизни местных жителей постепенно вытесняются ценностями и образом жизни мигрантов»; «мигранты способствуют развитию криминальной ситуации»; «мигранты занимают наши рабочие места и вытесняют коренное население из некоторых профессий» и т.д. [9, с. 154–155].

По мнению же В.Н. Титова, все социальные контексты, в которых упоминаются этнические мигранты в публикациях российских СМИ, можно объединить в два взаимосвязанных тематических блока: 1) этнические иммигранты и неформальная экономика; 2) этнические мигранты и криминальная экономика. Следствием селективной типизации является то, что мигрант начинает прочно ассоциироваться именно с нелегальными сферами экономики. Преобладающий образ этнического мигранта содержит преимущественно негативно оценочные характеристики – он агрессивен в своем стремлении к успешной адаптации, несёт в себе угрозу экономическому благосостоянию «коренных» жителей, его культура и социальные отношения не соответствуют нормам, принятым в среде адаптации, его образ жизни замыкается рамками этнической общины, он стремится к установлению контроля над наиболее благоприятными и выгодными экономическими объектами, его появление влечёт за собой различные проблемы: эпидемии, преступность, наркоманию и т.п. [14, с. 48]

При этом, демонизация мигрантского дискурса в СМИ сопровождается, по мнению В.И. Мукомеля, продуцированием «фантастических, если не сказать провокационных, оценок» уровня нелегальной миграции из уст государственных деятелей России, в том числе ответственных за реализацию миграционной политики [10, с. 87]. Сомнения вызывают методики, в соответствии с которыми осуществляется оценка уровня присутствия мигрантов-нелегалов на территории России. В большинстве журналистских сюжетов озвучиваются экспертные оценки, варьирующиеся от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов мигрантов. Подобный диапазон в оценивании миграции сам по себе демонстрирует свою приблизительность и низкую степень объективности [2, с. 46]. Кроме

того, как отмечает В.И. Мукомель, в освещении вопросов миграции СМИ прибегают к таким инструментам, как селективная типизация (например, ассоциирование мигрантов с нелегальными сферами экономики), гиперболизации проблемы (например, утверждение о том, что изменение этнического состава территории вследствие миграции угрожает национальной безопасности России), конвергенция проблем (например, отождествление незаконной миграции с проблемами терроризма, преступности, наркомании и т.п.) [11, с. 101]. Подобную манипуляцию СМИ приводит в качестве примера в своем исследовании В. Малахов, когда описывает репортаж канала REN-TV о массовой драке в г. Красноармейске с участием мигрантов-армян и местной молодежи. Помимо описания самих событий, репортаж содержит данные о количестве в России армян, о проблеме этнической преступности, о ее связи с наркоторговлей и о количестве в Москве азербайджанских (!) преступных группировок [7, с. 99]. Такая парадоксальная логика изложения информации преследует единственную цель – манипуляцию общественным мнением в отношении мигрантов.

Одновременно на фоне демонизации этнической миграции в СМИ происходит постоянное обращение к проблеме статуса русского населения. Российский политолог М.А. Аствацатурова указывает на часто эксплуатируемый в региональных СМИ «тревожный образ русских, вытесняемых не только из республик Юга России, но и из русских регионов, в частности Ставропольского края» [1, с. 85]. Особенно актуализируется образ «униженных русских» в период проведения политических выборов и других публичных мероприятий [1, с. 49]. При этом, большой отклик в СМИ находит такая подача впечатлений о миграции, которая не выделяет какую-либо одну этническую общность в миграционном потоке, а акцентирует внимание на его «нерусском» характере [12, с. 100]. Объектом стигматизации выступают не только представители мигрантских этносов (например, китайцы или вьетнамцы), но и коренные народы Российской Федерации, пользующиеся своим конституционным правом на свободу передвижения по территории России и свободу выбора места жительства (например, чеченцы, азербайджанцы, народы Дагестана).

Научные исследования: от теории к практике

Таким образом, современные российские СМИ обладают значительным конфликтогенным потенциалом в отношениях между мигрантами и принимающими сообщества, транслируя установки мигрантофобии и этнофобии. Это провоцирует в обществе такие негативные тенденции, как рост бытового национализма, сегрегацию населения по этническому признаку, анклавизацию мигрантских меньшинств и снижение уровня их интеграционного потенциала, а также может провоцировать рост стихийного межэтнического насилия. Несмотря на смещение акцентов в публичном дискурсе в сторону геополитической проблематики и усиление ориентации власти и СМИ на внутреннюю консолидацию общества перед лицом внешних угроз и международной изоляции, миграционная тематика в сообщениях масс-медиа сохраняет тот же характер, что и прежде. Такое положение особенно опасно в связи с ростом стрессовой иммиграции из Украины и прогнозируемым ростом внутренней миграции из периферийных регионов в центр в условиях обострения российского социально-экономического кризиса. На этом фоне обязательным направлением государственной национальной политики вырисовывается необходимость системного мониторинга российской информационной ленты на предмет содержания в ней установок ксенофобии через институт уполномоченного по правам человека в России и Общественную палату РФ и их региональные аналоги, а также посредством деятельности институтов гражданского общества (НКО). Материалы этого мониторинга должны являться основанием для корректирующего воздействия правоохранительных органов, региональной и местной администрации, которые не нарушали бы российского законодательство о свободе слова, но позволяли бы эффективно обеспечивать соблюдение п. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации, не допускающей разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Список литературы

1. Аствацатурова М.А. Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2003. – 120 с.

2. Бедрик А.В. Социальная адаптация этнических мигрантов в Ростовской области. – Ростов-н/Д: Антей, 2007. – 144 с.
3. Витковская Г.С. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малащенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1999. – С. 151–191.
4. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности: опыт кейс-стади в полиэтнических районах Ростовской области. – Ростов-н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – 208 с.
5. Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 23–31.
6. Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки 2000–2005 гг. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.
7. Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 200 с.
8. Малащенко А.В. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малащенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1999. – С. 6–18.
9. Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...»: книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. – М.: Academia, 2005. – 228 с.
10. Мукомель В.И. Миграционная политика в России: постсоветские контексты. – М.: Диполь-Т, 2005. – 351 с.
11. Нужны ли мигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. – 168 с.
12. Савва М.В., Савва Е.В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). – Краснодар: КубГУ, 2002. – 176 с.
13. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 207 с.

14. Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. – 2003. – №11. – С. 41–50.
15. Шевченко О.М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность: Монография. – Ростов-н/Д: Антей, 2013. – 204 с.
16. Шнирельман В.А. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. – Т. II. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 856 с.
17. Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – №1 (01). – С. 6–19.